

ПЕРСОНА

АРТУР КРУПЕНИН: Каждый мой друг на меня стучал

Артур Крупенин, неизменный ведущий одной из самых ярких программ ТВ-6 — «Профессия», на телевидение попал абсолютно случайно. Он не получил никакого телевизионно-журналистского образования, не бегал по «Останкино» с кабелями, дожидаясь своего часа. Мало того, его нельзя назвать суперкрасавцем, но однако же это человек, в которого невозможно не влюбиться с первого взгляда — от него исходит волна обаяния и симпатии, которая заряжает на целый день.

— Каждая твоя передача — по сути беседа. А тебе самому нравится давать интервью? — Нравится, когда задают интересные вопросы и когда это делает приятный человек.

Обычно я говорю с друзьями-мужчинами о женщинах и о высоком: но если друзей под боком нет, то можно поговорить просто с приятелями, а если и их рядом не окажется, можно и с телезрителями пообщаться.

— А друзья — только мужчины, друзей-женщин у тебя нет?

— Я не верю в то, что возможна дружба между мужчиной и женщиной. Мне 38 лет, и я в это не верил, не верю и никогда не поверю. Те опыты, которые были, заканчива-

моих друзей в N-отдел. Это были годы, когда я знал, что каждый мой друг на меня стучит.

— Хорошо, закончим с этой темой. Скажи, как же в конечном счете ты оказался ведущим «Профессии»?

— Я всегда легко находил рабочее место: преподавал языки — английский и испанский, — был репетитором, потом решил все это бросить и стал ездить. Вошел в мир транснациональных компаний. Это очень занятный мир людей без национальностей и отечества, которые по свистку собираются в какой-то точке мира, делают дырку в земле и из нее что-нибудь добывают. 4 года я мотался по СНГ.

— Это когда было?

— 1991—1994 годы. Потом и здесь мне стало скучно. Опять

Был разнорабочим, кирпич клал, занимался варкой. В общем, год я ходил в люди

фото Виктора Горячева

лись недоуменно вскинутыми бровями: и когда же закончится твое затянвшееся ухаживание?

— Ладно, с друзьями разобрались, перейдем к профессии. Сколько их ты переменил за 38 лет?

— Я — летун. Когда мы заканчивали школу, все мои одноклассники намылились на филфаки, на истфаки. Но мне хотелось повременить, поискать самого себя. И я после школы пошел в кочегары. Проработав там месяц, понял, что для меня эта профессия исчерпана. Пошел в сантехники. Утром я выходил чистенький пай-мальчик. На работе с «дядей Васей» переодевался в рваный зипун, мы шли какой-то заказ выполнять, чинили батарею, бачок, толчки. Продержался на этой работе тоже недолго, месяца два-три — стало все ясно и скучно.

— Деньги небось за прокладку с рабочего класса брал?

— Нет, никогда. Работал исключительно за зарплату. Следующим этапом было электричество. Месяцев пять проработал. Также по вызову, ну знаешь, счетчик сломался, розетка... Электрик — это звучит! И когда я говорил друзьям, что я — электрик, у них становились такие глаза... После этого был разнорабочим, кирпич клал, занимался варкой. В общем, год я ходил в люди.

— Твои родители терпели это?

— Стоически. У меня с ними была договоренность, что год я перебешиваюсь и поступаю в вуз. Я слово сдержал и поступил в военный институт Министерства обороны учиться на переводчика.

— Вербовали?

— И неоднократно.

— А как ты отмазался от них в конечном счете?

— Они сами отвязались, испортив мне карьеру военного переводчика, через какое-то время перестали за мной ходить, прослушивать, вызывать

я начал подумывать о новой работе. И тут очень вовремя «подвернулся» Александр Михайлович Любимов. Мы встретились в компании. Он наблюдал за моими потугами рулить стол. А на следующий день позвонил и сказал: «Слушай, а ты хочешь быть телеведущим?» И я заорал (быстро, пока он не передумал): «Да, хочу!!!»

— А что ты будешь делать, когда профессии кончатся?

— Глупо рассчитывать на то, что я просто пройду по всему реестру существующих профессий. Но еще полгода-год мы можем быть спокойны. У меня есть темы, идеи, возможность что-то улучшать, корректировать. Думаю, 1998-й пройдет без сильных изменений, а там посмотрим.

— Будешь дальше искать себя в профессиях?

— Сейчас судьба дала мне редкий шанс. Раз в неделю на себя примеривать на час новую профессию. И в ходе записи я неоднократно говорил себе: «Вот было бы классно это попробовать», но через неделю у меня новая запись с новой профессией и — те же чувства. Я надеюсь, что это «примеривание» позволит мне на какое-то время перестать думать о перемене работы.

— А были на съемках смешные случаи?

— Бывают, с героями. Вот, например, была у меня героиня, которая так нервничала, что не могла слова сказать. Тогда я ее спрашиваю: «Какого цвета у меня ботинки?» Она так очень осторожно отвечает: «Коричневые!» Зал взорвался — смех, аплодисменты, и пошло-поехало. Вообще до начала программы я всеми силами стараюсь успокоить людей, поддерживать. И думаю, что никого не удивлю, если скажу, что на телевидении, если перед съемками человек подходит и говорит: «Ребята, ну налейте мне водочки», — ему наливают.

— Если бы ты вдруг оказался участником программы «Профессия» и тебе надо было бы рассказать о своей работе, то что бы ты говорил?

— Отвечал бы на вопросы ведущего, наверное... Слушай, а это интересно — я никогда не был гостем ни на одном ток-шоу... Хорошая мысль, надо будет напроситься к кому-нибудь, может быть, на программу «Про это»...

Анна БОКШИЦКАЯ.

фото Влада Бурьякина

Рассказчик — 1998-мч — 28